

Джин Эдвард Вит, мл.

ДУХОВНОСТЬ КРЕСТА

Введение в евангелическое
христианство

ФОНД «ЛЮТЕРАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

Russian *Spirituality of the Cross*, 2nd edition,
printed December 2019,
3,000 copies

Originally published in the U.S.A.
under the title

Spirituality of the Cross

Copyright ©1999 Concordia Publishing House
3558 S. Jefferson, St. Louis, Missouri 63118-USA
www.cph.org

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without the prior written permission of the Lutheran Heritage Foundation.

Lutheran Heritage Foundation
51474 Romeo Plank Road
Macomb, Michigan 48042 USA
www.LHFmissions.org
info@LHFmissions.org

Перевод на русский язык и публикация данной
книги выполнены Фондом «Лютеранское
Наследие»

Переводчик: *Ольга Розенберг*

Редактор русского текста: *Алексей Комаров*.
Теол. редактор: пастор *Александр Бите*.
Под общей редакцией *Константина Комарова*

*Funding for the publication of this
volume was provided by the
Lutheran Women's Missionary League
(LWML) Central Illinois District.*

Soli Deo Gloria!

Оглавление

Введение	6
Евангелическое христианство.....	6
Оправдание	21
Движущие силы греха и благодати.....	21
Деяние благодати	45
Присутствие Божие.....	45
Богословие креста	89
Сокрытость Бога.....	89
Призвание	119
Духовность повседневной жизни.....	119
Жизнь в двух царствах	157
Духовное и мирское.....	157
Заключение	188
Поклонение Богу.....	188
Приложение	198
Первые евангелические христиане и другие церкви.....	198
Для дальнейшего изучения	221

Пастору Дону Кирхофу —
нашему наставнику

Введение

Евангелическое христианство

Многие из нас ищут духовной жизни, не всегда понимая, что это означает. Мы жаждем воспарить, но вновь и вновь шлепаемся на землю. Разнообразные мистические течения обещают необыкновенное познание и духовную силу, но после этого никто не живет «долго и счастливо». Вмешивается повседневная жизнь: работа, семейные неурядицы, повседневные обязанности, боль и неудачи — все это так или иначе влияет на духовное состояние.

Церкви, которые, казалось бы, должны быть хранительницами основ духовности, зачастую не выглядят таковыми. Нередко они кажутся весьма мирскими и обычными. Круг местных служителей, посещение церковных служений и общинных собраний — все это может казаться банальным и скучным. В нашем представлении духовность должна быть чем-то более захватыва-

ющим и впечатляющим.

Так, по крайней мере, было со мной. В разные периоды своей жизни я увлекался либеральным богословием, безоговорочно принимая все, что считалось передовым, и сражаясь за социальную справедливость. Был я и неистовым фундаменталистом, живя в постоянном ожидании чуда. Мой либерализм, однако, оказался пустым, а фундаментализм — поверхностным. Я погрузился в медитации, пока не постиг все, что обещает буддизм, а именно — пустоту. Как мистицизм, так и позитивизм принесли лишь горькое разочарование.

Я искал духовную систему, которая охватывала бы всё человеческое бытие, реалистическую духовность, не отрицающую физический мир и обыденную жизнь, но преображающую их.

И я нашел ее в христианстве, религии, смысл которой не в Боге как таковом, но в Боге воплощенном и Боге распятом. Существует множество разновидностей христианства, множество духовных традиций внутри одной исторической веры,

но все они сконцентрированы вокруг тайны воплощения и искупления.

Клайв Стейплз Льюис, оказавший сильнейшее влияние на мою веру, описывал такое понятие, как «просто христианство», концентрируя внимание на том, что является общим в богословии различных христианских течений. Этот наименьший общий знаменатель, по его мнению, является как бы «прихожей», ведущей из внешнего мира в «дом веры». Однако тот, кто намерен жить в христианстве, должен из прихожей перейти в одну из комнат. «Именно в комнате, а не в прихожей горит огонь в камине, расставлены стулья и накрыт стол». Иными словами, христианин должен присоединиться к какой-либо церкви.

Но и здесь меня поджидали разочарования. На мой взгляд, ни одна из известных мне поместных общин не являла собой того христианства, которое я открыл для себя в книгах. Частично причиной тому стала моя незрелость: многие христиане бывают разочарованы в реальных церквях из-за своей приверженности не-

осуществимым идеалам и несовместимости богословских взглядов с обыденной жизнью. По словам того же Льюиса, новообращенные христиане часто представляют себе церковь собранием людей в тогах и сандалиях, а не таких же, как они сами. Но справедливо также и то, что в «комнатах» христианского дома иногда не хватает огня в камине и накрытого стола.

Каждая разновидность христианства отличается своей духовной традицией или особым учением. Наивно также было бы отрицать, что везде есть свои проблемы и свои отклонения. Именно на этом этапе поиски христианской духовности часто заходят в тупик.

Еще одна современная нелепость заключается в том, что многие из этих традиций сегодня трудно отыскать. Разнообразные христианские традиции, основанные Фомой Аквинским, Кальвином или Уэсли, отличные друг от друга, но по-своему «здравые», постепенно сливаются в единое безликое поп-христианство.словно множество льюисовских комнат вдруг

оказываются совершенно одинаковыми, в них подают одну и ту же пищу, наскоро приготовленную и упакованную в пластик, там звучит одна и та же фонограмма, комнаты украшены одинаковыми искусственными цветами и ковровым покрытием. Это новое популяризованное христианство имеет плоский бесцветный вид, исполнено добрых чувств, но лишено содержания. В то же время, сокровища и откровения исторических традиций Церкви почти забыты.

Эта книга об одной из христианских духовных традиций — о той, где я наконец обрел такие отношения с Богом, к которым всегда стремился. Эта книга — введение в лютеранскую духовную традицию — веру, сосредоточенную на кресте Иисуса Христа, веру, которая в состоянии полно и честно охватить всю духовную жизнь, и откровения которой проникают глубоко в «мелочи» повседневной жизни.

Происхождение евангелического христианства

«Лютеранскую» духовность лучше было бы назвать духовностью «евангели-

ческой». Термин «евангелический» происходит от греческого слова εὐαγγέλιον¹, что буквально переводится как «благая весть». Определение «евангелический» характеризует того, кто предан Евангелию Иисуса Христа, то есть Благой Вести о том, что Христос Своими смертью и воскресением обрел прощение для грешников и предлагает нам дар спасения.

Сегодня термин «евангелический» употребляется в отношении множества различных более или менее консервативных протестантов. Несмотря на все свои различия, баптисты, харизматы, кальвинисты, уэслианцы и разного рода «парацерковные служения», не принадлежащие к определенным деноминациям, действительно проповедуют спасение во Христе и придают особое значение благовестию, так что применение данного термина вполне оправданно. Однако первоначально «евангелической» называли именно к лютеранскую церковь.

После Реформации «евангеличе-

---

¹ «Евангелие». — *Прим. ред.*

скими христианами» называли последователей Лютера, в противоположность «реформатам» — последователям Кальвина. (Результатом последующих попыток объединить эти две группы стала «Евангелическая и реформатская церковь» — в настоящий момент одна из американских деноминаций.) И сегодня в Европе церкви, исповедующие лютеранство, называют себя не «лютеранскими» — этот термин был отвергнут самим Лютером, который не хотел, чтобы Церковь Христова называлась его именем, — но «евангелическими». Американское употребление этого термина по отношению к любому библейскому христианину, проповедующему спасение, постепенно проникает и в Европу, но американских туристов по-прежнему приводит в замешательство слово «*evangelische*», написанное на немецких и скандинавских церквях. Вместо бодрых песен и призывов к немедленному покаянию, в таких церквях их встречают хоралы и литургия.

Несмотря на то, что и другие могут

называться «евангелическими христианами», лютеране были первыми, кто так себя назвал. Центром христианства всегда, с новозаветных дней, было Евангелие. В Средневековье — время, когда по твердому убеждению протестантов, Евангелие и его истинное понимание было искажено, — лютеран первых *назвали* евангелическими христианами. Они же вернули Евангелию значение, сделавшее его центром лютеранской доктрины и практики. Такое внимание к Евангелию, противопоставленное средневековому католицизму, дало возможность появиться всем другим более поздним формам протестантизма. Евангелическое же Лютеранство сохранило свои особые отличия.

В своих духовных странствиях из религии в религию, из церкви в церковь — от самых либеральных до самых консервативных, — я открыл для себя Евангелие. Все больше углубляясь в эту Благую Весть, в ее сокровенный смысл, я обнаружил, что стал лютеранином. Эта книга отчасти является описанием моего странствия, но лишь

отчасти. В основном она посвящена тому, в чем для меня — американца эпохи модернизма, или скорее постмодернизма — заключается неоценимая польза лютеранских духовных традиций.

Эти традиции мало известны в Соединенных Штатах, и в какой-то мере, к сожалению, исчезли из поля зрения даже американских лютеран. Однако они заслуживают внимания. Кроме всего прочего, учение первых евангелических христиан оказалось особенно значимым в связи с проблемами, тревожащими современных американских христиан и предлагает реальные ответы на желания и устремления нынешнего поколения.

Духовность и богословие

Эта книга не о богословии как таковом, но о «духовности». В каком-то смысле такое разделение может ввести в заблуждение. Сегодня многие говорят об отсутствии у них интереса к религии с ее учениями, символами веры и установлениями, но проявляют при этом большой интерес к «духовности». Таких людей привлекают при-

ятные мистические переживания, чувство значимости и благополучия без каких-либо «неудобных требований» к их мышлению, поведению и общественной позиции. Они ищут свойственных религии переживаний без присущей ей веры.

Люди, ограничивающие духовность рамками субъективного удовольствия, не имеющего ничего общего с объективной истиной, делают себя уязвимыми для любых суеверий и манипуляций, культов НЛО и дорогостоящих семинаров *New Age*. Фактически, духовность не существует без богословия, а религиозные переживания — без веры. Даже культы НЛО и семинары *New Age* продают не просто мистические впечатления, но цельные мировоззрения, предполагающие особые взгляды на природу реальности, лежащие в основе этих учений.

Потому «духовность» для меня — не бессодержательные, теологически пустые поиски сверхъестественных переживаний как таковых. Скорее «духовность» — это и есть то истинное содержание, которое наполняет

абстрактное богословие, повседневные ритуалы и саму жизнь христианина.

Такие духовные искания, на мой взгляд, крайне важны и искренни. В условиях поверхностной и материалистической массовой культуры многие ищут глубины и насыщенности, стремясь вырваться за пределы обыденного. Слишком многие не находят духовного содержания в своих церквях, пораженных поверхностной потребительской американской поп-культурой и превратившихся в то, что можно назвать поп-христианством. Интересно, что воздействие поп-христианства медленно, но верно распространяется и в более взрослых церквях, которые еще обладают неким духовным содержанием. В наше время наблюдается непрерывный отток людей из протестантских церквей в Римскую католическую и, что еще примечательнее, в Восточную православную церковь.

Как будет показано в этой книге, мнение, будто протестантизму не хватает жизненно важных традиций внутренней духовной жизни, несостоятельно. Однако справедли-

во то, что американская культура, особенно поп-культура, насаждаемая средствами массовой информации, заставила многих забыть о существовании протестантских духовных традиций. Исследование старейших, наименее американизированных богословских и духовных традиций, несомненно будет полезно для христиан, пытающихся не утратить свою ориентацию. Любого протестанта обогатит возвращение к истокам, к наследию первых евангелических христиан.

По некоторым причинам лютеране неохотно прибегают к прозелитизму — «краже овец» из других церквей, и не в этом я видел цель написания данной книги. Мне кажется, что каждый христианин сможет почерпнуть что-то из источника лютеранских духовных откровений, хотя обязательно возникнут и разногласия. Но ведь влияние Кальвина распространяется далеко за пределы пресвитерианства, официально придерживающегося его учений. Оно определяет многое в практике баптистских и других церквей, члены которых,

признавая ценность откровений Кальвина, разошлись бы с ним в частностях. Лютер мог бы также быть полезен широкому кругу церквей. Перед христианами постоянно встают такие вопросы, как: участие церкви в политике, применение Святого Писания, жизнь в греховном мире и переносимые страдания. И Лютер, с его ясным видением этих проблем, заслуживает права голоса. В полной мере лютеранское понимание духовности открывается в повседневной жизни Лютеранской церкви.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что я пишу эту книгу как мирянин, не будучи ни богословом, ни пастором. Я постараюсь поделиться с такими же людьми как я, на понятном им языке тем, чем лютеранские традиции обогатили мою собственную духовную жизнь. При том что особое внимание, уделяемое духовности, ни в коем случае не отменяет значимости богословия, я постараюсь обойтись без специальных терминов, библейских обоснований, исторического анализа и споров с приверженцами других точек зрения, присущих

полноценным богословским трактатам. Я почти ничего не собираюсь писать о жизни и временах Мартина Лютера, сколь бы занимательной ни была для меня эта тема. Лютеранство — явление определенно историческое, что подталкивает некоторых людей к мысли, будто вера лютеран основана скорее на Лютере, чем на Христе. Исследуемые в этой книге идеи и понятия одинаково актуальны как для XXI, так и для XVI века, а духовная пустота нашего времени² придает им особую остроту. Я даже не собираюсь отстаивать эти идеи, по крайней мере, большинство из них. Не будет в моей книге и нападок на иные богословские учения или аргументов в пользу моего собственного. Моя цель — познакомить читателя с лютеранским пониманием духовности, которое впоследствии он сможет принять или отвергнуть, и создать у него определенное представление о великих христианских традициях.

Несомненно, догматическое богословие, библейские исследования и полеми-

---

² Книга написана в 1999 г. — *Прим. ред.*

ка с приверженцами противоположных взглядов имеет крайне важное, даже решающее значение. Лютеранские традиции сильны своими серьезно и тщательно разработанными богословскими положениями. Развитое богословие, изучение Библии и активная полемика — все это можно в изобилии найти у лютеран. Я буду указывать на некоторые из этих ценнейших богословских источников тем, кто пожелает глубже исследовать вопросы, затронутые в данной книге, изучить их библейские основания и то, как они соприкасаются с другими взглядами. Однако это не является моей основной задачей. Заинтересованные в более глубоком изучении могут прежде всего обратиться к лютеранскому пастору, долг и положение которого дают ему возможность исцелять душу каждого конкретного человека, чего не может сделать ни одна книга. Ведь в конечном счете духовность — это жизнь, а не интеллектуальные рассуждения, и главное ее средоточие — Таинства, совершаемые в каждой поместной церкви.

Оправдание

Движущие силы греха и благодати

Как мировым религиям вообще, так и попыткам любого отдельно взятого человека обрести смысл жизни, присущи определенные схемы. Адольф Коберле различает три вида духовных исканий: морализм, при котором воля стремится к достижению совершенства в поведении; интеллектуализм, при котором разум стремится к совершенному познанию; и мистицизм, при котором душа ищет совершенства в единении с Богом. Несмотря на то, что каждый из этих путей содержит частицу мудрости, духовность в понимании лютеран совершенно не похожа ни на один из них.

Не претендуя на возможность человеческого совершенства, лютеранская духовность исходит из признания несовершенства. Мы не в состоянии достичь совершенства в поведении, как бы ни старались. Мы не способны познать Бога лишь своим соб-

ственным разумом. Не можем мы достичь и единения с Богом. Лютеранство учит, что ничего подобного от нас и не требуется, Бог делает всё это за нас — Он соединен с нами в Иисусе Христе, Он открывает Себя нашему слабому пониманию в Своем Слове, Он прощает наши грехи и во Христе живет за нас совершенной жизнью.

Нам не приходится «дотягиваться» до Бога, Благая Весть заключается в том, что Он сошел к нам. Большинство философских и богословских учений сосредоточены на том, что людям необходимо сделать для своего спасения, Лютеране же настаивают, что в этом мы беспомощны, и Бог воистину совершает всё за нас.

Человеческий грех и благодать Божия — вот два полюса духовности в понимании лютеран. Они, разумеется, неотделимы от всего христианства, но лютеранство придает им особое значение. Лютеране отстаивают основополагающий для церкви принцип³: оправдание по благодати через веру.

³ По выражению Лютера: «статья, на которой церковь стоит или падает» (*articulus stantis et cadentis ecclesiae*). — Прим. ред.

Пути к Богу

Различные пути приближения к духовной жизни, перечисленные у Коберле, заслуживают дополнительного внимания, чтобы еще отчетливее охарактеризовать позицию лютеран.

Человек, следующий по моралистическому пути, стремится заслужить благорасположение Божие или благополучную жизнь путем нравственного совершенства. Он пытается всегда и во всем поступать правильно, держа себя под контролем лишь своими волевыми усилиями и стремясь иметь чистую совесть. Несомненно, желание достичь праведности само по себе похвально. Проблема здесь лишь в том, что это недостижимо.

Многие полагают, что морализм и составляет суть христианства. Считается, что хорошие люди идут в рай, а плохие отправляются в ад, и что христиане — это люди, ведущие высоконравственный образ жизни, избегающие греха и совершающие добрые дела. Порой такие представления принимают форму незначительных повсе-

дневных решений, — таких, как воздержание от алкоголя, отказ от курения и обуздание прочих мелких пристрастий, но иногда это выражается в посвящении себя высочайшим идеалам, или в попытках исправить недостатки общества путем политических и социальных преобразований.

Некоторые разновидности христианства действительно тяготеют к морализму. Несомненно, нравственные учения присущи большинству мировых религий. В исламе существуют строгие нравственные правила для мельчайших нюансов повседневной жизни, включая употребляемую пищу, семейную жизнь и политику правительства. Даже далекие от религии люди зачастую встают на путь морализма. Защитники прав животных и окружающей среды, политические деятели в своем усердном стремлении добиться совершенства и в излишней требовательности не уступают самым консервативным религиозным проповедникам.

Морализм, однако, наталкивается на непреодолимые препятствия и противоречия. Люди не достигают, и, вероятно, не в силах

достичь собственных же высоких стандартов. Мы постоянно терпим поражение. Часто сами попытки нравственного самосовершенствования приводят к безнравственным действиям. Например, когда строгие моральные устои приводят нас к ненависти, насилию и вызывают чувство превосходства над другими. Кроме того, внутренняя мотивация зачастую сводит на нет наши благие поступки. Я могу вспомнить собственные «добрые дела», вознаграждаемые похвалами и признанием, но сопровождаемые внутренним недовольством, поскольку сам перед собой я всегда вынужден был признать, что пытаюсь этим что-то «заслужить».

Увлечения извращенной человеческой воли и сокровенные сердечные желания неизменно встают на пути самых лучших нравственных намерений. У моралистов часто возникает искушение скрывать свои неудачи под маской лжи и логических обоснований. Вот почему морализм часто сопровождается лицемерием — показной внешней праведностью, скрывающей про-

исходящее внутри.

Еще одна попытка сглаживания разрыва между нашими нравственными устремлениями и невозможностью их достижения — вытеснение добродетели на периферию жизненных переживаний. При этом она сводится к голосованию за «хорошего» кандидата, поддержке правильных общественных позиций или помощи добрым начинаниям, в то время как наша личная или семейная жизнь терпит крушение. Мы низводим определение нравственного совершенства до чего-то достижимого и подвластного нам. Поступая так, мы чаще всего нарушаем действительно важные нравственные обязанности, касающиеся нашего поведения и отношений с окружающими нас людьми.

Еще одна присущая морализму проблема заключается в том, что праведность может обернуться самоправедностью, гордыней и чувством превосходства, которые делают проявленную добродетель совершенно бесплодной. Проблема не в том, что люди с самыми высокими нравственными устоя-

ми теряют почву под ногами. Сами по себе попытки прибегнуть к морализму оборачиваются грубостью, гордыней и даже жестокостью — качествами, едва ли характеризующими «хорошего» человека.

«Быть добродетельным человеком» — несомненно похвальная цель. Тем не менее, глядя правде в глаза, мы вынуждены признать, что никто не в силах полностью достичь этой цели. Нам не хватает силы воли, внутренних побуждений или внутренней чистоты для достижения нравственного совершенства.

Еще одним путем приближения к духовной жизни, кроме морализма, является интеллектуализм, предположение, будто познание — есть ключ к духовной самореализации. Разгадка сложности жизни, обретение истинного знания — вот что принесло бы нам удовлетворение. Отсюда сложные метафизические системы, попытки объяснить и разгадать все «почему».

Несомненно, стремление к познанию, как и стремление к нравственности, заслуживает всяческого уважения. И все же,

на пути духовных исканий оно неизменно ведет в тупик. Человеческий разум слишком мал, чтобы охватить все сущее.

История человеческой мысли свидетельствует о постоянном изменении предлагаемых ответов и решений. Одна философская школа сменяет другую, и даже научные теории нуждаются в постоянном пересмотре. Представляется невозможным установить какие-либо истины как окончательные и непреложные.

Духовные истины, подобные познанию вездесущего и бесконечного Бога, потрясают наш разум. Выражая это словами самарянки, можно сказать, что колодец глубок, а зачерпнуть нам нечем (Ин. 4:11).

Более того, интеллектуальные системы, выстроенные людьми, отражают скорее желания этих людей, нежели объективную реальность. Идеологии, провозглашающие свою универсальность, зачастую становятся прикрытием для кулуарной борьбы за власть, обмана и порабощения. Просвещение Французской революции породило террор и власть Наполеона.

Псевдоосвободительные марксистские убеждения породили ГУЛАГ. Как и морализм, интеллектуализм часто приводит к гордыне, сознанию собственной избранности, презрению к обычным людям или надменности, отгораживающейся от окружающего мира. Тем временем истина все ускользает, сколь близкой она бы ни казалась.

Но что принесло бы нам желаемое познание? Герой пьесы К. Марло «Доктор Фауст» за знание продал душу дьяволу. Когда же он окончательно уверился в том, что познал всё что мечтал познать — законы небесной механики, спорные вопросы астрономии, высоту и глубину просвещенного разума, — знание, доставшееся столь дорогой ценой, вдруг показалось ему бессмысленным, неспособным принести удовлетворение и не имеющим никакого отношения к его истинному духовному состоянию.

В поисках духовного озарения я и сам изучил бесконечное множество книг. Как и следовало ожидать, все они противоречили друг другу, и я остерегался дове-

риться кому-то, чьи познания не превосходили мои, сколь бы мудрым он ни казался. Тем не менее, я продолжал погоню за знанием, игнорируя собственную жизнь.

Хотя морализм и интеллектуализм привлекают как людей религиозных, так и далеких от религии, возможно, наиболее притягательной «разновидностью» духовности в наше время является мистицизм: переживание экстаза единения с Богом. Вырваться из обыденной жизни и получить прямой доступ к небесному, оставив позади сей мир, вознестись к духовным обителям, воспользоваться сверхъестественными силами в своих целях — к этому стремились и стремятся мистики и духовные учителя всех религий. Способы достижения подобных переживаний различны, но каждый из них обещает духовный экстаз и обретение сверхъестественных способностей.

Но проблема здесь в том, что грань между «единением с Богом» и попытками самому стать Богом чрезвычайно тонка. Слияние с божественным может таить в себе самообожествление. Наиболее ми-